

СЕКЦИЯ 4. ИСКУССТВО И РЫНОК

(проблемы менеджмента, правового и экономического обеспечения)

В. А. ГУРЕВИЧ,

доктор искусствоведения, профессор, заведующий кафедрой
искусствоведения Санкт-Петербургского Гуманитарного университета
профсоюзов

ИСКУССТВО И РЫНОК В РОССИИ

(к постановке проблемы)

*“Не продается вдохновенье,
Но можно рукопись продать”.*

А. С. Пушкин

“Разговор книгопродавца с поэтом”

Цитирование вынесенных в эпиграф строк А. С. Пушкина стало в последние годы рутинным делом нашего искусствознания. Что понятно: как говорится, “у кого что болит, тот о том и говорит”. А болит, и болит сильно. Ибо гримасы формирующегося российского рынка, где господствует (пока?) игра без правил, а государство сознательно устранилось от регулярной, материально достаточной поддержки культуры, заставляют вновь и вновь вспоминать пушкинские слова о “веке железном”, в котором “без денег и свободы нет”. Добавим — без законно нажитых денег. Наша же криминализованная экономика во всем блеске реализует себя именно в сфере рынка произведений искусства.

В этом нет, конечно, ничего удивительного: ведь во времена плановой социалистической экономики в нашей стране судьба творений искусства как товара и 20, и 60 лет назад решалась в значительной мере путем купли-продажи из одних частных рук в другие, минуя государственный контроль, невзирая на все преграды и драконовские законы, ставившие, например, коллекционирование предметов искусства фактически в нелегальное положение. Любой опытный антиквар может рассказать на сей счет не одну занятную историю, никак не связанную с тогдашними “комиссионками”. В те времена, как, впрочем, и ныне, они были заполнены, в основном, не самыми лучшими вещами, лучшее же уходило “налево”, продавалось из-под полы, по спекулятивным ценам, хотя такой способ продаж влек за собой немалый риск как для продавца, так и для покупателя.

Были тогда и “сегменты” почти стопроцентного рыночного индивидуального характера: имею в виду музыкальные инструменты, приобретающиеся частным путем, на базе цен, складывавшихся с учетом мировой конъюнктуры, союзного и местного спроса и предложения. Кстати, и сегодня это наиболее рыночная в истинном смысле слова сфера, в коей мало что изменилось (кроме, разумеется, цен: вследствие активного вывоза инструментов за рубеж они выросла многократно и, например, ничем не примечательная тирольская скрипочка конца прошлого века стоит 7—8 тысяч долларов, а о приличном мастеровом “итальянце” или “французе” менее чем за 12 тысяч и торговаться не следует).

Иное дело — изобразительное искусство. Высший уровень продаж — на аукционах типа прославленных “Сотби” и “Кристи” раньше был уделом наших крупнейших музеев, на государственные средства что-то приобретавших. Сейчас покупать музеям не на что: проблемы на сей счет есть даже у таких гигантов, как Эрмитаж, Русский музей, Третьяковская галерея, которым власть имущие вынуждены выделять определенные средства под конкретные проекты или в связи с юбилейными датами. Обычные же музеи влачат жалкое существование, вынужденные заниматься всякого рода “отхожими промыслами” вроде сдачи помещений в аренду коммерческим структурам или предоставления залов для приемов, банкетов и тому подобных мероприятий. В этих условиях

продолжает существовать как продажа из рук в руки, так и реализация через сеть салонов и галерей, число которых быстро растет по всей России. Вот тут-то и вступает в свои права теневая экономика. Причем причины ее всевластия не только в переходном характере макроэкономических процессов, порождающем столь типичное для современного отечественного менталитета явление, как рэкет. Как считают многие ведущие искусствоведы-эксперты, руководители крупнейших частных галерей, коллекционеры, ситуация определяется в первую очередь нелепой налоговой политикой, когда вещь выгоднее продать и купить с черного хода, с риском для бизнеса и порой для жизни, но не отдавать государству фантастические проценты, съедающие прибыль подчистую.

Сейчас подобное положение выглядит тем более глупо, что поле для дилеров чрезвычайно расширилось: в связи с тяжелым материальным положением сотни семей потомственных петербуржцев вынуждены продавать фамильные ценности. На рынке то и дело появляются произведения — живописные, декоративно-прикладные, заслуживающие самого серьезного внимания и профессионального отношения. Но где ему — этому отношению — взяться, коли реализовывать товар приходится в условиях царящего правового беспредела. Следовательно, первейший вопрос, от решения коего зависит быть или не быть цивилизованному рынку искусства в России — вопрос правовой. Вместе с экономической проблематикой юридическая все более властно заявляет о себе, а значит, в будущем формирование действительно цивилизованного рынка в искусстве реально только при условии знания всеми участниками процесса купли-продажи норм и правил, регулирующих правовую сторону дела.

Не менее существенной и запутанной сферой в современной ситуации являются вопросы интеллектуальной собственности в искусстве. Нормы, тарифные ставки и прочие “прелести” плановой экономики ушли в прошлое. По логике вещей, их должны бы сменить все те же оговоренные международными правовыми рамками рыночные законы. Однако и здесь нам приходится констатировать крайне малый эффект их функционирования в российских условиях. Возникшее на развалинах ВААП Российское агентство по охране авторских прав оказалось не в состоянии контролировать рынок товаров и услуг, заполоненный пиратской продукцией, в котором авторы и владельцы интеллектуальной собственности несут колоссальные убытки, недополучая миллионы и миллионы за пользование их трудом.